

СОВРЕМЕННАЯ

ПРОЗА

Михаил ЛИПСКЕРОВ

Михаил Федорович Липскеров

Большая литература

Серия «Современная проза (АСТ)»

Авторский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63057881
АСТ;

Аннотация

Дорогой читатель, соберись с силами и нырни в омут необузданной фантазии автора. Точнее, в пять омутов. В первый – с текстами, которые автор считает рассказами: сатирическими, лирическими, вплоть до голимого философешника. И всё это перемешано до неприличия. Второй омут переполнен притчами, структурированными по тому же принципу. В третьем автор показывает, что он не чужд изящной словесности разных национальностей, и вываливает на тебя свои переводы с иностранного. И что интересно – первоисточник неизвестен! Четвертый – под названием «Реприза имела успех» – целиком посвящен отцу автора и состоит из баек из жизни эстрады. Где, как кажется автору, они (автор и его отец) – неплохие смешняки. И последний – бо-ольшой физиологический очерк об исторической родине автора – «Нравы Петровского бульвара». Не поминай автора лихом! Крепись! Твой Михаил Липскеров.

Содержание

Типа рассказы	5
Открытое письмо	5
Бумажный кораблик	8
Междоусобица	10
Пруд	12
В первый раз	14
Сирень	16
The King Of Swing	18
Пушкин, няня и хазары	21
Ох, епт!	24
Свадьба	26
Скачки	29
Из русской старины	32
О, Боги...	36
Темные ночи Замудонска	39
Мы с сыном	42
Колокольчик	43
Как Ивану Кузьмичу...	47
Между двух огней	51
Путник	53
Одряхлевшая пыль	56
Над вымыслом слезами обольюсь	58
Ты хорошо слышишь?	63

Я люблю смотреть на часы	66
Кепка набок и зуб золотой	69
В городском саду	72
Давным-давно	75
В одну реку	76
На углу Каланчевки и Орликова	80
Я искал вас...	83
Бессонница	85
Ну, да вы знаете...	89
Очень сентиментальное...	92
Из романтического	94
Воспоминание	96
Эссе о страхе	100
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Михаил Липскеров

Большая литература малых форм

Типа рассказы

Открытое письмо

Президенту РФ
от Липскерова М.Ф.
инвалида 2-й группы, пенсионера

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

Уважаемый г-н Президент!

В 11.30 сего дня мною было получено указание моей единоутробной жены, Пацан Ольги Валентиновны, приобрести гофрированную трубу с резьбой на 40 чего-то мне неизвестного. С целью выполнить указание, а то хуже будет, и по застарелой любви я отправился в магазин стройматериалов («Все для дома») по адресу Ткацкая, 5, куда и прибыл при помощи маршрутного такси № 452. Войдя в магазин, я задал

стоящему недалеко от входа неизвестному мне гражданину с бейджиком «Консультант», где находится труба гофрированная с резьбой на 40 чего-то мне неизвестного. Кивком головы он указал мне направление вглубь магазина стройматериалов («Все для дома»), до коей глуби я и дошел с трудом, как инвалид 2-й группы – в смысле нога хреново ходит. Извините за грубость, но она действительно ходит хреново, а как сказать по-другому – хрен его знает. По причине тромбоза бранши левой бедренной артерии. Где и обнаружил (в глуби) гофрированную трубу с резьбой на 40 чего-то мне неизвестного. Неизвестный гражданин с бейджиком «Менеджер по продажам» и насильственно (я знаю) увеличенным левым ухом при помощи компьютера и принтера выдал мне две бумаги и направил в кассу для оплаты 200 рублей за эту драную гофрированную трубу с резьбой на 40 хрен знает чего. Которая касса, сука такая, находится у входа в магазин строительных, упдъ, материалов. С трудом дойдя до кассы и заплатив 200 рублей, я вернулся в самую глубокую жопу этого б...дского магазина, отдал этому опухшеухому пидору чек и получил эту гофрированную хренотень с резьбой на 40 чего-то мне неизвестного, но весьма подходящую, чтобы отмудохать ею единоутробную любимую жену Пацан Ольгу Валентиновну. Но силам пришел отсосец. Сейчас я – инвалид 1-й группы. И мне нужно второй раз диздовать в магазин стройматериалов («Все для дома»), так как таких труб, чтобы они, упдъ, сдохли, нужно две.

Обращаюсь к Вам, г-н Президент! Только Вы можете мне помочь. Прошу Вас внести на рассмотрение правительства для внесения в Государственную думу законопроект об установлении в магазине стройматериалов («Все для дома») второй сраной кассы. Едри ее мать! У входа в магазин! На Ткацкой, падла, 5! Чтобы он сдох, на пуй! Вместе с улицей! И взять рассмотрение законопроекта под личный контроль.

С уважением,

Липскеров М.Ф.

Пенсионер, инвалид 2-й группы.

Бумажный кораблик

Как-то изменился мир. Я имею ввиду бумажные кораблики. Не видел их миллионы лет. А когда-то, когда-то, когда-то их в городе было больше, чем автомобилей. По весне, а также после хорошего человеческого ливня весь детский мир выходил на просторы города, в котором около каждого тротуара бежали ручьи, журчали ручьи, и выпускал во взрослый мир несметное количество бумажных корабликов. И среди них шло соревнование, чей кораблик быстрее доплывет до сточной решетки. И отставший слегка печалился, что вот в такой короткой жизни ему не удалось быть первым. И ему суждено погибнуть в темноте под городом, который он даже не успел как следует рассмотреть.

Иногда перед сточной решеткой образовывался водоворотик, и кораблик кружился в нем, прежде, чем «Ах!» и уйти под мостовую в глубокую темноту. Правда, я не удивлюсь, если какой-то кораблик доплывал до реки, а потом река доносила его, обессилевшего, до синего моря. До которого когда-нибудь во взрослой жизни доплывет, возможно, и его хозяин. И там они когда-нибудь встретятся и обрадуются друг другу. И кораблик расскажет, что он видел за время путешествия и как он ждал своего хозяина, чтобы сказать, как же он соскучился. И тот, возможно, вспомнит именно этот бумажный кораблик. Потому что на его борту будет черниль-

ная надпись «халодным асенним вечером...». И буква «а» в словах «халодным» и «асенним» была зачеркнута.

И оба-два старинных друга поплывут по синему морю к закату. И будет им хорошо вдвоем.

Сейчас ничего этого нет. Никто не пускает бумажные кораблики. Потому что вдруг куда-то исчезли ручьи. Вода по весне и после человеческого ливня, не течет, не журчит, а громадными неповоротливыми лужами стоит на месте. Вот уже миллионы лет...

Вот почему уже миллионы лет я не езжу на синее море.

Междоусобица

Мы во главе с Нашим стояли напротив них во главе с Ихним. Скоро завяжется кровавая битва. Потому что никакого смысла в некровавой битве нет. Идеалы надо защищать до последней капли крови, иначе какие же это идеалы?

Ну, травка, дубравы тут и там. Слева дубрава для нашего Засадного полка. Справа – для ихнего Засадного полка или – наоборот: смотря откуда смотреть. Нет единого мнения, откуда смотреть. С ихней стороны. Или с нашей.

Такие же проблемы возникли с Полками Правой илевой Рук. Обратно – с какой стороны смотреть. И чтобы не путаться, к правым рукам Полкам Правой Руки привязали по пучку сена, а к левым рукам Полкам левой Руки – по пучку соломы, что вызвало среди Полков некоторые споры, потому как каждому члену Полка известно, что сено против соломы – все равно что плотник супротив столяра. Ну, поотрубали головы по пятерке с каждой стороны и слегка поуспокоились. Да, и чего гоношиться, когда в битве все смешается: сено Полка Правой Руки наших с соломой левого Полка ихних. И наоборот. А других признаков различия никаких нет. Все – в лаптях и по-церковнославянски. Междоусобица!

Поначалу Микоша с нашей стороны и Сугомля – с ихней в поединке порубали друг друга.

Вусмерть.

И делать нечего: пришлось начинать общую битву. Хотя дома людей ждали дела. Наших – наши дела. Ихних – ихние. Но, в общем, одни и те же самые. Потому как все в лаптях и говорят по-церковнославянски. Одно слово – Междоусобица!

И в общей битве получилась такая же хрень что с нашей стороны, что с ихней: у правых рук Полков Правой Руки – сено, а у левых Левой Руки – солома. Потому что сено – оно сено и есть, и с соломой – такой же силлогизм. Обратно – лапти и церковнославянский язык. И кто кого порубал, осталось в сомнении. Междоусобица!

И последними в битве легли Наш и Ихний. Потому что – Идея! До последней капли крови! Несмотря на лапти и церковнославянский язык. Междоусобица!

И осталось непонятным, какая такая была эта идея... Когда все – в лаптях, и все – по-церковнославянски... Когда – Междоусобица!..

И что с такой, скажите на милость, историей делать прикажете?..

А льны на этом поле по сию пору рождаются знатные.

Пруд

Тут у нас купец 2-й гильдии по суконному делу Петр Дормидонтыч Кузьев около вокзала решили Пруд соорудить. лодки, лебеди и прочая красота типа карпов и золотых рыбок, – пусть, мол, приезжий люд любит.

И соорудили. Освящение, городничий, ведро водки и другой ингредиент праздника.

И сразу маленькая незадача. Одна девица низкого звания Лизавета по залету от дворянского сынка Эраста в Пруд бросилась и утопла.

Ну, обратно освящение, городничий, ведро водки и другой ингредиент праздника.

И одна девица Аленушка, тоже низкого звания, повелась сидеть у Пруда в ожидании с турецкой кампании солдата Иванушки. Но не дождалась по случаю убиения и тож в Пруд жажнула.

Ну, сами понимаете: освящение, ведро, ингредиенты...

А на следующий день один мужик из немцев по имени Веверлей пошел на Пруд купаться, оставив дома законную жену Доротею. Знамо дело, из немцев. И утоп. Потому что плавать в Пруду не умея, привязал к ногам, немчура тупая, пару пузырей. И нырнул. И голова – под водой. А ноги с пузырями – над. А ногами немцы дышать не обучены. Вот он и утоп.

Ну, значит, опять процедура... И только батюшка поднес лафитник ко рту, как почтарский оголец бегом приносит телеграмму: мол, графиня изменившимся лицом бежит к Пруд. А чего бежит, из телеграммы неизвестно, лишние слова денег стоят.

И Петр Дормидонтыч Кузьяев, купец 2-й гильдии по судному делу во избежание дальнейших самоубийств Пруд приказали засыпать.

И засыпали.

И на пустом месте решили Петр Дормидонтович Дом приезжих соорудить, потому как рядом с вокзалом.

И соорудили. И освятили. И городничий. И ведро водки. И другой ингредиент праздника.

И назвали Дом приезжих названием странным, неведомым, но красивым.

Англетер.

И году эдак 1925-м в него вселился поэт Сергей Есенин...

В первый раз

Двухспальная кровать была готова к бою: что характерно, обе стороны готовились к нему весьма обстоятельно. Были заготовлены соответствующие напитки и еда, соответствующая напиткам, в пределах имеющихся в наличии денежных купюр. Он был весьма вальяжен и одет не без претензии: на нем были шевиотовые брюки-галифе мышиноного цвета производства США, сорочка-апаш в горошек и роскошный черный бант. На ней – крепдешинное красное платье с небольшим вырезом на груди, коричневые фильдеперсовые чулки на пикантных подвязках и роскошный красный бант на черной с блеском косе. Она была очаровательна в своей невинности, а он глядел на нее с улыбкой опытного ловеласа.

Он разлил по темно-зеленым бокалам напитков, соответствующий потраченным средствам, и разложил по тарелкам севрского фарфора еду, соответствующую напиткам. Они чокнулись бокалами, слегка отставив мизинец. Он – левый, потому что был левшой. И выпили. А потом закусили. А потом он отнес бутылку из-под «Дюшеса» и тарелку из-под эклеров со Столешникова переулка на трюмо. После чего он посмотрел в ее ждущие глаза и взял ее за дрожащую, слегка влажную ручку. И так они сидели долго-долго, и им этого было вполне достаточно для счастья. А потом пришли родители и развели их по разным домам. Через пятнадцать

лет он и она снова встретились. Была та же самая двуспальная кровать, были напитки... была еда... Он был весьма... Она... Мизинец... И всё произошло, как это и положено для двадцатилетних молодых людей. Но это было уже совсем не то... Как в первый раз... Пятнадцать лет назад...

Сирень

У меня под окном расцвела Сирень.
Это банально.
До липкой слюны во рту.
Но Сирень расцвела.
Под моим окном.
На двенадцатом этаже билдинга,
В котором я живу.
В городе Нью-Йорк Сити.
В Соединенных Штатах Америки.
Я впервые за двадцать лет жизни в этой стране увидел
под своим окном сирень.
Ее развел на балконе одиннадцатого этажа какой-то
Русский.
Сирень он привез из России.
Балкон – тоже.
Здесь не приняты Балконы на одиннадцатом этаже.
Мы сидим на этом Балконе.
Одиннадцатого этажа билдинга,
В котором мы живем,
В городе Нью-Йорк Сити,
В Соединенных Штатах Америки.
Мы пьем Водку
С Закуской.
Здесь не принято пить Водку с Закуской,
Которые Русский с одиннадцатого этажа привез из

России.

Из квартиры на десятом этаже билдинга,

В котором мы живем,

В городе Нью-Йорк Сити,

В Соединенных Штатах Америки

Полиция стала выселять Таджикив,

Которых Русский с одиннадцатого этажа привез из
России.

На Проигрывателе крутится «Сладкая N».

Нам – Хорошо.

Вы, пала, себе даже не представляете, как нам Хорошо!!!

Только где вот моя сладкая N?..

The King Of Swing

Вся эта бодяга началась с того, что этот мелкий жлобя-ра Карл с Сивцевого Вражка клесанул у Клары кораллы. На хрен этому шепздуну понадобились кораллы, он сам путно объяснить не мог, хотя путности от него никто и не ждал, но вот спер – и все тут! Кларка долго думала, как Карлу лю-то отомстить, пока вместе с второгодниками Мусой и Шно-белем не подстерегла Карла, возвращающегося из музыкаль-ной школы с неразлучным своим кларнетом. Этот шлемазл вместо скрипки, как это у них принято, учился играть на кларнете. Что уж там думали его родители, отдавая его на кларнет, сказать трудно, потому что их у него не было. Была какая-никакая бабка, не факт, что именно его бабка, но она была при нем, а он – при ней. А больше никого не было. Де-ло, знаете ли, после войны было.

И откуда у бабки появился кларнет, чтобы этого рыжего Мотла, в смысле, чернявенького Карла, учить на нем играть, я вам сказать не могу. Слава богу, что это был не саксофон. А то!.. Но он на этом кларнете наблатыкался играть какую-то мутную музыкальную хрень. Поначалу он нам настолько ею настолбенел, что ему хотели даже настучать по лбу, но потом попривыкли. Вон, Попрыгунчик у пивняка «На Метростро-евской» на трофейной гармошке подрабатывал, и то – ниче-го. Ставили ему пару кружек, он и сваливал. А так он у нас

водопроводчиком в домоуправлении работал.

И вот Карл шел из музыкальной школы с Кропоткинской через Веснина к себе на Сивцев Вражек, и уже вот-вот, а тут на скверике, аккурат напротив поликлиники № 1, попал на Кларку вместе с второгодниками Мусой и Шнобелем. И они с применением физической силы выхлопали у Карла кларнет. Хотя могли бы вернуть кораллы, которые при применении физической силы выпали у Карла из кармана потрепанной американской помощи типа гольфы. Ленд-лиз.

Но вот эта мстительная двенадцатилетняя пацанка Клара, вместо реституции кораллов, группово с второгодниками Мусой и Шнобелем пошерстили Карла на кларнет. Муса хотел забодать его на Палашевском рынке за пару десятков пирожков с ливером, но Кларка не позволила. И купила Мусе и Шнобелю для отмазки по паре пирожков с повидлом.

И кларнет при ней и остался. У Кларки то есть.

И музыкальная хрень из Сивцева Вражка померла по причине нету кларнета. И вся наша округа как-то неслышно печаловалася. И эту сучку Кларку стала брезгать. И так брезгала, и эдак брезгала, отдай, мол, жиденку кларнет. А она — ни в какую. Пусть, мол, кораллы... А чего, кораллы? Если человек украл кораллы, значит, это кому-нибудь нужно!

И!

Вот ведь, сучка какая, она же и кораллы, случай был, не взяла. Вот поди ж ты!

Так и жили.

Он – с кораллами.

Она – с кларнетом.

И мы уже попривыкли, что в Сивцевом Вражке тихо.

Когда давеча я случайно забрел в скверик около поликлиники № 1 и вечером по случаю встречи с сильно сдавшими Мусой и Шнобелем по стародавней привычке даванули на скамеечке по стакану, мимо нас прошли какой-то сильно мятый фраер и подержанная бикса при нем. На дряблой шее фраера висели кораллы, а бикса несла кларнет...

Я посмотрел им вслед...

Вернулся я на родину, цветут березки с кленами...

И из Сивцева Вражка переулка струится «The King Of Swing».

Пушкин, няня и хазары

Колокол на часовне Безвинно Помилованных Комиссаров пробил 8,5 склянок. Склянок с бургундским 1624, токайским 1723, шардоне 1865, Алжирским 1964, «Солнцедаром» 1874, Напареули 2002 и прочих паленых алкоголей Нальчикского розлива, за которые, собственно говоря, и хотели повесить комиссаров. То есть повесить их хотели не за винище, а – за яйца, но в данной ситуации очень трудно не перепутать причину и следствие, с которыми в русском философском мышлении всегда были проблемы. К примеру, курица ли была следствием яйца или яйцо было следствием курицы? Не одно русское поселение пало жертвой налета хазар (вы знаете, о ком я говорю) во время размышлений: плевать в колодец, если есть другой колодец? Или не плевать, если при предыдущем размышлении другой колодец был уже напроць заплеван? И тут опять они! (Вы знаете, о ком я говорю.) Ну что ты будешь с ними делать?! И не было бы русского народа, если бы не Вещий Олег, который прогнал их к чертовой матери. Потому что Перуна со Сварогом уже тошнило от гефилте фиш, цимеса и пейзаховки. И Вещий Олег мог бы еще долго жить, если бы не замучился размышлением, примет он смерть от коня своего или не примет. Принял. А мог бы и не принять, если бы не слушал волхва, который, чтобы отвязаться от Олега, не накаркал тому смерть от коня

своего. Иду себе и иду, чего достаешь, сбудется – не сбудется... Какая нужда спрашивать? Все уже было описано А.С. Пушкиным... Читай!

И тут опять вступают в силу размышления о причине и следствии. То ли А.С. Пушкин в стихотворной форме описал со слов няни своей Арины Родионовны преданья старины глубокой, то ли преданья старины глубокой состоялись, потому что Арина Родионовна выпила кружку бедной юности А.С. Пушкина и заговорила про Вещего Олега, коня и неразумных хазар (вы знаете, о ком я говорю). А А.С. Пушкин, доверчивая душа, не оформил в форме стиха эту чушь, ибо мир уже в те времена знал, что не бывает в природе неразумных хазар (вы знаете, о ком я говорю). Так что кто кого выдумал: А.С. Пушкин – Вещего Олега, Евгения Онегина, Медного всадника и Болдинскую осень? Или не выходящая из кайфа Арина Родионовна выдумала А.С. Пушкина? А потом – и Дантеса, чтобы хоть таким образом слезть со злоупотребления бедной юностью выдуманного ею А.С. Пушкина. Так что... О чем я говорил? О колоколе на часовне Невинно Помилованных Комиссаров?.. Да не было никакого колокола! И Невинно Помилованных Комиссаров тоже не было. Их выдумал неразумный хазар (вы знаете, о ком я говорю). В ожидании Вас... Вот я уже вижу клубы пыли, слышу звон бубенчиков, посвистывание кучера. Трамвай «А» подъезжает к Чистым прудам... Вот-вот я увижу Вас... В нетерпении постукиваю каблуком по невесть как заблудшему на Чистые

пруды черепу коня. Что-то в нем шевелится...

Ох, епт!

– Ох, епт! – кряхтнул чрезвычайно пожилой Евдоким, защемивший позвонок при излишне резком сбрасывании ног с постели.

– Ох, епт! – неодобрительно ворчула его баба Василисовна, когда Евдоким переползал через нее, чтобы сбросить ноги с постели.

– Ох, епт! – промяучил внешне сибирский кот Семен, когда Евдоким опустил на него ноги после сбрасывания их с постели.

– Ох, епт! – доброжелательно ответила на его «Ох, епт!» канарейка Аня, после того как Евдоким опустил на кота ноги после сбрасывания их с постели.

– Ох, епт! – по-строевому откликнулись коза Анфиса, хряк Хряк, корова Мурка и прочая живая природа, обитавшая на приусадебном участке Евдокима, на «Ох, епт!», образовавшееся после сбрасывания ног с постели.

– Ох, епт! – поздоровался с жителями села сельский политрук посредством репродуктора, уловивший возникший в селе духовный настрой после сбрасывания Евдокимом ног с постели.

– Ох, епт! – поддержали местные власти «Ох, епт!», пришедший из глубинки после сбрасывания ног с постели.

«Ох, епт!» – под таким названием вышла районка, носив-

шая имя «Триединая Россия», до сбрасывания Евдокимом ног с постели.

– Ох, епт! – предложил переименовать страну один влиятельный отросток законодательной ветви власти в ответ на дошедший до него из глубинки наказ «Ох, епт!» после сбрасывания Евдокимом ног с постели.

– Ох, епт! – дружно откликнулись на выборах избиратели «Великой Ох, епт» после сбрасывания Евдокимом ног с постели.

«Ох, епт!» стал конвертируемой валютой, глагол «епать-ся» стал призывом к труду и обороне, отглагольное существительное «епля» вытеснило с экранов телевизоров слово «секс», а руководителя страны стали официально называть «епанутый».

После сбрасывания Евдокимом ног с постели.

Евдокиму вручили медаль «Ох, епт» 2-й степени к ордену «За заслуги перед “Ох, епт!”».

И тут Жерар из креативного класса, оргазмируя с Жанной из того же класса со взаимным удовлетворением, радостно прорычал:

– Ох, мля!

Так в стране появилась оппозиция.

Свадьба

...Ой, мадам Гуревич, какой красивый у вас мальчик!

...На бар-мицве уже гуляли?

...Два года?!

...И Айзик?!

...Исаак!!!

...И он еще у Вас уже не женат?!

...Ай-яй-яй! Такой большой мужчина – и еще не сношался...

...Скажите, Исаак, еще Вам уже не надоело дрочить?

...Ха! Я же Вам говорила, мадам Гуревич, у Исаака руки отваливаются...

...Значит, теперь говорю... Видите, там стоит мадам Либензон?..

...Конечно, не видите... Если Вы еще никогда уже ее не видели...

...И девушка с ней, Цилей зовут. В прошлую пятницу годовщину первых месячных отмечали...

...Так вот, Циля уже готова опрокинуться на спину с хорошим мальчиком из хорошей семьи...

...Ха! С этим делом еще никогда уже не рано...

...Реб Шмуэль, тут Исаак из Гуревичей хочет Цилю из Либензонов...

...Да-да-да, и Циля его хочет. Подушкой промежность на-

терла...

...А то еще когда уже...

...Ну нет хупы! Что, если еще нет уже хупы, так дети и посношаться не могут?!

...Реб Шмуэль, не будьте бюрократом!

...Мадам Гуревич, мадам Либензон, у вас еще уже есть двадцать рубель?

...Реб Шмуэль, восемнадцать рубель тоже хорошие деньги!

...Спасибо, реб Шмуэль, вы – настоящий ид...

...Евреи, собирайтесь, Исаак Гуревич берет в жены Цилю Либензон...

...Реб Пффеффер, почему Вы молчите? Кто еще из нас, Вы или я, уже кантор?

...Ям та-та, та-та, ям та-та, та-та...

...Не стесняйтесь, дети...

...Ям та-та, та-та, ям та-та, та-та...

...Евреи, отвернитесь!

...Ям та-та, та-та, ям та-та, та-та...

...У детей – первое брачное утро!

...Ям та-та, та-та, ям та-та, та-та...

...Айзик, еще, мальчик, еще!

...Ям та-та, та-та, ям та-та, та-та...

...Циля, девочка, помоги ему уже!

...Ям та-та, та-та, еще, ям та-та, та-та, еще!

...Ям та-та, та-та, еще, ям та-та, та-та, еще...

...Ям та-та, ям та-та, ям та-та, ям та-та... ям та-та, ям та-та, ям та-та...

...Еще, еще, еще, еще!

...Уже!

...Мазл тов, евреи!

...Лехаим, лехаим, лехаим!!!

...Schnell! Schnell! Schnell!

...Verschlossen! Jüdisch Schwein!

...Таки еще уже успели!

...Feuer!!!

...Ха!

Скачки

Я еду навстречу – пока не определился кому... Но отчетливо помню, что когда утром я взнуздывал Афанасия Сергеевича (так зовут моего коня), то слышал с небес голос, который сказал мне: «Сядь на своего верного коня Афанасия Сергеевича (так зовут моего коня) и поезжай на все четыре стороны». Голос стих, потом раздалось невнятное хихиканье, и голос добавил: «Вперед. Время не ждет». Вот тут он слухавил: Время как раз сидело передо мной на ржавом осле и терпеливо ждало, когда я взнуздаю Афанасия Сергеевича (так зовут моего коня), заседлаю его, а после заседлывания и оседлаю, и лишь потом цокнуло языком или чем еще цокают Времена – криками «ура», звоном бокалов, плачем угоняемых в рабство детей, стонами насилуемых женщин, звонкими лозунгами, прикрывающими однообразное бульканье человеческого фактора... А потом мы поскакали на все четыре стороны. Я не настаиваю на вашем доверии к моим словам. Мое дело – рассказать, как все было, а ваше – верить моему рассказу или не верить. Дело ваше, господа, исключительно ваше. Дело – ваше, слово – мое: вот так вот причудливо соединяются слово и дело. И разъединяются. А за каждым словом – жизнь, смерть, любовь, сладость обладания и безнадега потеря и что еще там существует в многочисленных карманах Времени. Особенно когда скачешь с ним рядом. Бок о бок,

стремя в стремя, локоть об локоть. На все четыре стороны.

И так вот мы скакали вместе со Временем навстречу... Пока не определился, навстречу кому. Но скакать надо. Ведь Время торопит, Время кричит, гикает и ухает, ухает ухаревом... И ветер со всех сторон. Ветер, ветер на всем белом свете. И эти скачки наперегонки со Временем, эта вечная игра с ним. Не отстать и не обогнать. Потому что нет разницы, когда о тебе скажут: «Он обогнал Время» или «Он отстал от Времени». Потому что «отстал» или «обогнал» в обоих случаях означает, что твое Время кончилось вместе с тобой, а другие Времена для тебя превратились в абстракцию. И смеются, плачут, любят, ненавидят вместе с другими и над другими...

Меж тем после долгой скачки, когда Афанасий Сергеич (так зовут моего коня) покрылся пеной ровно Афродита, из этой пены вышедшая, мы прискакали на все четыре стороны. В город (придумал-таки). Под небом голубым. Знакомый до слез. Похожий на меня. И на каждой из четырех сторон стоит по дому. И каждый из домов – вылитая копия другого: абсолютно одинаковые застекленные двери, одинаковые окна с одинаково раскрытой правой створкой. И абсолютно одинаковыми мезонинами. Мезонинами, мезонинами, мезонинами... Афанасий Сергеич (так зовут моего коня) удивленно всхрипнул. Четыре застекленные двери всех четырех домов с четырьмя мезонинами со всех четырех сторон открылись, и из каждой вышло по одинаковой даме с одинаковыми со-

бачками... Четыре дамы с четырьмя собачками.

И как, скажите на милость, я пойму, кто из них – Вы, а кто – суррогат, издевка моего исчезнувшего напарника по скачке. Время смеялось.

Из русской старины

Антон Антоныч Сквозник-Дмухановский, действительный статский советник (так мы его называли-навеличали, а кто и что он был в действительности, нам знать не дано, да и непотребно для нашего произведения, о сути которого нам известно менее, нежели об истинном звании и величании Антон Антоныч Сквозник-Дмухановский), на улицу вышел. Был сильный мороз. Поэтому он вышел на улицу в шубе на лисьем меху, с бобровым воротником и в таком же бобровом цилиндре. Возможно даже, что и воротник, и цилиндр одним топором и долотом сколотил расторопный русский мужик из одного бобра, но тогда этот бобер уж должен быть размерами с хорошего медведя-пестуна, коего нечасто встретишь на улицах Санкт-Петербурга.

Вышел и вышел. И остановился в недоумении, куда и за каким хреном он на улицу вышел, когда на улице был сильный мороз. И мы сильно недоумеваем, зачем нам потребовалось выгонять действительного статского советника Антон Антоныча Сквозник-Дмухановского на улицу, когда на ней был сильный мороз.

Но мы недаром проходим (в смысле, числимся) по разряду русской прозы, так что по старинной русской традиции пошлем Антон Антоныча в баню.

И Антон Антоныч Сквозник-Дмухановский, действитель-

ный статский советник, послушный авторской воле (нашей), пошел в баню. Хотя и посещал ее перед Крещением, чтобы выпить пару пива, которое в пивоварне при бане варил по особому рецепту баварский пивной мужик Ганс Фридрихович Кюхельгартен, которого для этих соображений и выписал из родной Баварии его брат Вилли, обратно же Фридрихович, обратно же Кюхельгартен, которого привез из Европ первый Император Российский Петр Алексеевич (имя подлинное) вместе с арапом Абрамом Ганнибалом (имя подлинное). И пивное дело так пошло, что баню пришлось закрыть. И санктпетербуржцы, когда приезжий люд интересовался по части пивка, добродушно посылали интересанта в баню. И уже много позже на вопрос «пиво где» стали шутить словами «в Караганде», а самые отвязные докатывались до прямого похабства в смысле поэта Баркова.

Антон Антоныч сдал свою шубу на лисьем меху с бобровым воротником и таким же цилиндром, возможно, собранных одним... впрочем, за топор и долото мы уже говорили, гардеробщику по имени то ли Арина Родионовна, то ли Карл Иваныч, сейчас уже не помним.

В пивном зале, дабы не скучать, он подсел к компании мелких чиновников, фамилиев которых мы не помним. Не счесть чиновников в золотом веке русской литературы. Были половина вяленого леща, черные соленые сухарики, соленая сушка. А уж насчет раков – уж обессудьте: редкий рак доплывал до середины Невы. А уж на наших берегах его со

времен морского гребешка видом не видывали, слыхом не слыхивали. Был, правда, один дедок из бывших, из графов то ли Бобчинских, то ли Хлестаковых, помнивший позже исчезнувшую из Кунсткамеры клешню то ли рака, то ли омар, то ли лангуста... А может, то была простая зауряд-креветка. Сказать это не представляется возможным, так как и сам дедок из графов то ли Бобчинских, то ли Хлестаковых, помнивший нечто подобное, быть-то был, но вот когда был – никто не помнил.

Но и под сухарики, сушки и перышки вяленого леща пиво лилось рекой, сосед поил соседа – и к вечеру баварское пиво дало себя знать.

И когда чиновники вышли из пивного зала к гардеробной, то шуба действительного статского советника Антон Антоныча Сквозник-Дмухановского на лисьем меху, с бобровым воротником и цилиндром из того же... впрочем, мы уже об этом говорили, вызвала у них классовую ненависть. (Пиво всегда вызывает в русском человеке классовую ненависть. Как, впрочем, и другие напитки. И не напитки – тоже. У нас такое ощущение, что русскому человеку уже при рождении отвешивают в нагрузку классовую ненависть.)

Короче говоря, по выходу из пивной, чиновники отметили Антон Антоныча и реквизировали шубу, отдав ее самому тохонькому из них по имени Акакий Акакиевич. А уже позже ее у Акакия Акакиевича выиграл в штосс Нос майора Ковалева и сменял ее у зависшего в Петербурге по делу

о криминальной торговле мертвыми душами малороссийского помещика Ноздрева на зятя Межуева. А зачем Носу майора Ковалева зять Межуев, нам неизвестно.

Так что, господа, завершив этот труд, мы пришли к выводу, что вся русская литература вышла не из «Шинели» Гоголя, а из пивной Ганса Фридриховича Кюхельгартена.

О, Боги...

И как это всегда бывает после битвы, разобрать, какой труп – Свой, коего следует похоронить с надлежащими почестями и обрядами, чтобы дух его воспарил к Горним Высям, а какой – Чужой, чтобы дух его без очищаюх обрядов свергся в Сумеречные Глубины, было крайне затруднительно.

А это было важно.

Чтобы Свой там, в Горних Высях, проводил время с Богами в вечных пирах в антураже Юных Дев, покинувших сей печальный мир в состоянии набухшего бутона, сладко дрожащего в ожидании таинства превращения в цветок.

А Чужой бесконечным веками должен был в Сумеречных Глубинах ублажать старых ведьм, еще до смерти на Земле пораженных язвами и проказой, не получая собственного облегчения.

Из этих соображений избранных Юных Дев в ночь перед битвами уводили в Гору, где Жрец давал им чашу с Напитком Прощания, и они засыпали во времени и исчезали в пространстве, чтобы через другое время встретиться с убитым Своим и телом своим нетронутым, ласками своими, неопытными до потери сознания, словами своими, мелодически бессвязными, убить боль небытия и скрасить вечность.

А Ведьмы уходили из жизни сами в злобе от невысказанных

страданий, и не спали от болей на протяжении вечностей в ожидании духа Чужого. Который чреслами своими только и мог утишить их страдания. Но так как бутон их ссохся, затвердел и превратился в закаменевшую завязь, мучения Чужого также длились на протяжении вечностей.

Так распорядились Боги.

Вот почему так важно было после битвы распознать трупы Своих и Чужих. А сделать это было крайне затруднительно, потому что бьющиеся в битвах, за некоторыми мелкими отличиями, в основном не отличались друг от друга. Потому что то Одни бились с Другими, то Другие – с Третьими, то Одни объединялись с Третьими и бились с Другими, то Другие разделялись на Четвертых и Пятых, которые начинали биться друг с другом, то в толковище вступали Шестые, отпочковавшиеся от Одних, чтобы схлестнуться с Четвертыми и Пятыми... И так далее и тому подобное.

И по окончании Последней Битвы произошла великая путаница.

В одно и то же время Свои для Других оказались Чужими, Третьи стали Чужими для Пятых и Своими для Шестых. И все вместе стали Чужими для Первых, которые в то же самое время через Других стали Своими для половины Четвертых и одной шестой Пятых...

И трупов образовалось немерено. И возник казус.

Стало непонятно, кого – в Горние Выси, а кого – в Сумеречные Глубины.

Кому доставлять свежие нераспустившиеся бутоны, а кому – закаменевшую завязь.

Кому – вечный оргазм, а кому – такой же сухостой.

Потому что все считали себя Своими, а всех остальных Чужими.

Другими словами – Чужими стали все!

И битвы перенеслись в Горние Выси и в Сумеречные Глубины. Сколько трупов превратилось в трупы по второму заезду. Сколько Юных Дев осталось Девами, сколько старых Ведьм также осталось Девами. Сколько не состоялось оргазмов. Уму непостижимо.

И только Сухостой процветал.

Боги охренели.

И уничтожили всю эту долбанутую Землю...

Вот такой вот получился печальный рассказ.

– Ну, чо смотришь? Давно в табло не получал?!

Темные ночи Замудонска

Тьма опустилась на ненавидимый Мэром город Замудонск. В малиновом пиджаке с кровавым подбоем упругой кавалерийской походкой он лежал в тканом золотом джакузи и болел головой. Вечеру наканунешнего дня, а точнее – 13 месяца июля, было получено черным кэшем в качестве добровольного пожертвования в сумме тридцати сребреников за распятия некоего Варравы, главы ООО «Рыбы Замудонья», который ухитрился, вычерпав из реки Замудонки всю рыбу вместе с водой, и ни пить, ни постирать, а рыба обнаружилась в городе Бангкок, налогов в бюджет – больше муха насрет в великопостные недели, и как такого скота не распять. Но тот пожертвовал тридцать сребреников на восстановление Храма царя Соломона и был прощен. Хотя никто в Замудонске не имел ни малейшего представления о Храме царя Соломона. А раз никто не имел представления, то, исходя из дискурсивного мышления, такого Храма запросто могло не существовать. Дополнительным доказательством наличия отсутствия такового Храма в городе Замудонске было отсутствие наличия слова «Соломон» в «Повести временных лет» и других документах города. И мы знаем причину таковой ситуации. Город Замудонск проживал в такой глуши Российской Федерации, что на него никогда-никогда не ступала нога человеческого еврея. Вот что это была за глушь!

Дичайшая! Так что откуда Соломон, откуда Храм, откуда Царь? Хотя бывали в истории и на Руси одновременно цари с именами погуще. Царь Салтан, Царь Берендей, Царь Царевич и даже Царь-Девница.

Но сейчас Мэр болел головой, потому что тридцать серебряников на восстановление Храма царя Соломона были получены, а что восстанавливать, никто понятия не имел. Весь город понятия не имел. Никто. Даже комиссар Третьего ранга Епископ Никодим (Абдугамидов). Не воровать же эти тридцать серебряников. На восстановление Храма Царя Соломона. Чать, не за детский дом речь идет. Экие вы, право, кощунники... Так что вместе с Мэром головой болел весь город. Не болела голова лишь у Дятла. Потому что – птица.

Запросили район. Там – мимо кассы.

Губернию. Мимо того же.

Столицу.

Столицу.

Столицу.

После двенадцатого запроса Столицы из ея прислали человечка. С печатью.

Осмотрев тридцать серебряников, он предложил СИТУАЦИЮ, по которой Замудонск шестым чувством, верхним чувством, святым духом понял, что, наконец, замудонскую землю осчастливила еврейская нога.

И эта СИТУАЦИЯ состояла в том, что для того, чтобы восстановить Храм Царя Соломона, надо Храм Царя Соло-

мона предварительно разрушить. А для того, чтобы Храм Царя Соломона разрушить, его надо предварительно построить!

Так и сделали. Правда, тридцати сребреников, по подсчетам еврейской ноги, на это дело не хватит. По-хорошему попросили бизнес. Местный, районный, губернский, столичный. Никто не отказался. Святое же дело! Чать, не детский дом. Опять же Следственный Комитет, если что.

И теперь в Замудонске стоит построенный, разрушенный и восстановленный Храм Царя Соломона. Паломники, пожертвования... Башли рекой. Все довольны. Утерли нос Израилю.

Кто-то даже, было, предложил переименовать Замудонск в Иерусалим, но ему быстро дали окорот. Только с палестинцами проблем не хватало.

А еврей куда-то укандехал с тридцатью сребрениками. Давеча один замудонец туристического толка видел еврея в задумчивости.

Около Стены Плача.

Мы с сыном

МЫ С СЫНОМ, ОБА ДВА, СВОБОДНЫ. НО ОН БОЛЕЕ СВОБОДЕН, ПОТОМУ ЧТО ТАК ОН СЧИТАЕТ.

МЫ С СЫНОМ, ОБА ДВА, ПРЕЗИРАЕМ ДЕНЬГИ. НО ОН ПРЕЗИРАЕТ ИХ БОЛЬШЕ, ПОТОМУ ЧТО У НЕГО ИХ БОЛЬШЕ.

МЫ С СЫНОМ ЛЮБИМ ЖЕНЩИН. НО ЕГО ОНИ ЛЮБЯТ ЧАЩЕ, ПОТОМУ ЧТО И ОН ИХ – ЧАЩЕ.

МЫ, ОБА ДВА, БЕЗУМНЫ. НО ОН БОЛЕЕ БЕЗУМЕН, ПОТОМУ ЧТО Я РОДИЛСЯ ОТ НОРМАЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА, А ОН – ОТ БЕЗУМНОГО.

МЫ, ОБА ДВА, ЗАНИМАЕМСЯ ИЗЯЩНОЙ СЛОВЕСНОСТЬЮ. НО У НЕГО ОНА БОЛЕЕ ИЗЯЩНА, ПОТОМУ ЧТО И САМ ОН – БОЛЕЕ ИЗЯЩЕН.

МЫ, ОБА ДВА, ПОЛОЖИЛИ С ПРИБОРОМ НА ВСЕ ЗАКОНЫ ЛИТЕРАТУРЫ. НО ОН ПОЛОЖИЛ БОЛЬШЕ, ПОТОМУ ЧТО У НЕГО И ПРИБОР БОЛЬШЕ.

ВОТ ПОЧЕМУ ОН – ГЕНИЙ, А Я – ПРОСТО ВЫДАЮЩИЙСЯ ТАЛАНТ.

Колокольчик

По дороге, зимней, невеселой, тройка так себе бежит, под дугою Колокольчик надтреснуто колоколит. Потому что остололодило изо дня – в день, из года – в год, из века – в век колоколить и колоколить.

Нет, поначалу, в начале начал, когда он было юным Колокольчиком-первогодком, он колоколил звонко и задористо. И где-то даже вызывающе. Особенно при встрече со старыми, пожившими свое, а некоторыми, даже и чужое, Колоколами. Тогда как старые Колокола мирно дремали на своих Колокольнях в студеное предрассветье в ожидании ранней обедни, а их менее родовитые собратья спали, как и положено по профессии, на пожарных каланчах, и не всякий даже самый залихвастский пожар мог их пробудить, наш Колокольчик тихонечко колоколил даже во сне и своим колоколением навевал сладкие (других в этом возрасте не бывает) сны шестилетней Юленьке, младшей из пяти дочерей титулярного советника Михаила Юрьевича Козловича. По почтовому ведомству.

Ее темнокурые волосы были разбросаны по подушке, кукольные ресницы подрагивали, словно малиновое желе, щеки розовели, как едва проклюнувшийся закат, а в не тронутым насморком носу потрескивали пленки (Ю.К. Олеша). И в такт этому потрескиванию разгоравшегося костра начина-

ющей жизни и колоколил юный Колокольчик. И в этом колоколении были предчувствия будущей жизни, в которой он будет сопровождать десятилетнюю Юленьку в поездках с Папенькой, Маменькой и четырьмя сестрами на пикник в Измайлово к Алексеевским прудам, где Колокольчик будет слушать рождаемое ветром невнятное колоколение своих дальних родичей на звонницах Храма Покрова Пресвятой Богородицы.

С каждым годом сестер, к степенной радости Папеньки и Маменьки, оставалось все меньше и меньше по естественным, от Бога данным законам природы, и в конце концов на пикники к Алексеевским прудам шестнадцатилетняя Юленька выезжала лишь с Папенькой и Маменькой. В ожидании своего часа. И час этот настал, пробил, прозвенел. На Троицу ближе к пяти пополудни к их пикнику подошел Жовиальный Господин благородного вида, молодой, но уже занесший ногу для шага в зрелость. Колокольчику он сразу чем-то не приглянулся. Это было какое-то неоформившееся чувство, напоминавшее зарождающуюся ангину. А возможно, это была просто ревность. И от этого Колокольчик впервые колокольнул почти по-взрослому. С предчувствием.

Жовиальный Господин сразу очаровал Папеньку и Маменьку, но в этом их очаровании уже шелестела нарождающаяся сладкая печаль от скорого расставания с их последней усладой, юной доченькой Юленькой.

Жовиальный Господин предложил Юленьке прокатиться

в его пролетке, запряженной тройкой борзых, темно-карих лошадей. Колокольчик сразу встревожился и предостерегающе звякнул, но Юленька успокаивающе потрясла им, и Колокольчик успокоился и даже заснул в кармашке Юленькиного розового труакара. Папенька с Маменькой увлажнились глазами, и Юленька вместе с Жовиальным Господином скрылись в темнеющих аллеях Измайловского парка.

Напрасно, мой читатель, Папенька с Маменькой ожидали возвращения Юленьки. Напрасно. Она исчезла безвозвратно.

И о них мне ничего не известно... Но предполагаю, что старость их была печальной. Старость вообще – вещь невеселая, но тут...

Жовиальный Господин только вид имел благородный. А так он был профессиональным соблазнителем. И очень профессионально соблазнил Юленьку прямо в пролетке, запряженной тройкой борзых темно-карих лошадей. Колокольчик слышал все это, но ничего поделать не мог, только тихо и безбудущно колоколил в кармане смятого розового труакара...

А потом Жовиальный Господин продал надкусанное яблочко в заведение мадам Сивоплясовой, что на углу Каланчевки и Орликова переулка.

...Грек из Варшавы, Еврей из Варшавы, Юный Корнет и Седой Генерал... Лишь малая толика странствий Юленьки с сильно сдавшим Колокольчиком...

И вот по дороге, зимней, невеселой, тройка так себе бежит, а вслед за ней летят «Форды», «Ниссаны», «Девятки», «Ауди», «БМВ»...

И под дугою однозвучно Колокольчик надтреснуто колоколит...

Как Ивану Кузьмичу...

– Как? Ивану Кузьмичу в жопу вставили свечу? Какой ужас!

– Ваша правда, Пантелеймон Панкратыч, именно что свечу, именно что вставили и именно что в – жопу...

– Да как же это произошло?! Почтенному, уважаемому человеку?! Губернскому предводителю?!

– А вот так вот, сударь мой, Пантелеймон Панкратыч, это и произошло. Могу обрисовать ситуацию во всех ее пикантных подробностях.

– Очень обяжете, Сильвестр Никодимыч. А то – как же-с, все общество в курсах, один я, как говорится, мимо кассы.

– Значит, так, собрались мы в Собрании, на Тезоименитство Государя Императора на ужин. Люди все были приличные, нашего круга. Разумеется, и Иван Кузьмич были-с с супругой-с, Матильдой-с Клавдиевной-с. Потому как без Губернского Предводителя. А как Губернский Предводитель без супруги-с. Не верно, сударь.

– Да уж... Без супруги... На Тезоименитство Государя Императора никак нельзя. Без супруги. Все равно что без штанов.

– Да, нет, не все равно. Иван Кузьмич в Собрание пришли именно что без штанов.

– Как?!

— А так. Матильда Клавдиевна задержались с туалетом, ну и Иван Кузьмич по обыкновению своему, чтобы время зря не терять, перед выходом в Собрание в прихожей оприходовали девицу Аксиныю, которая в этих целях и была в дом нанята. В качестве прислуги без определенных обязанностей. Обычно за время туалета Матильды Клавдиевны он успевал управиться, но тут случилась редкость. Матильда Клавдиевна с туалетом управилась быстрее, чем Иван Кузьмич — с Аксиной. И он был вынужден прервать оприходование, быстро накинуть на себя шинель и отправиться в Собрание при всем параде, исключая штаны. А так... Все ордена от Анны Третьей степени до Владимира Первой были при нем. Мы, как люди воспитанные, сделали вид, что в отсутствии штанов у Губернского Предводителя на Тезоименитстве Государя Императора — нет ничего необычного. Возможно, это санкюлотство даже вошло в моду при дворе и нам, людям от столиц далеким, просто неизвестно. А возможно, как предположил прокурор Севастьян Прокофьич, человек по должности пронзительный, это уже и предписано неким предписанием, чтобы на День Тезоименитства Государя Императора являться в Собрание без штанов, и Иван Кузьмич просто не успели оповестить об этом городское общество.

И Севастьян Прокофьич, как человек по должности законопослушный, с себя штаны тоже снять изволили и стали ниже талии щеголять в подштанниках. Но вид при этом все равно имели начальственный.

Ну, а раз начальство ходит без штанов, то остальное чиновничество свои штаны скинуло не без презрения, как рудимент старых порядков и свидетельство некоего вольнодумства, исходящего от Государя Императора.

И не последним оказался почтмейстер Петр Никодимыч. Как человек, за модой следящий и во всем ее соблюдающий. Но тут случился небольшой конфуз. Вместо подштанников на нем оказались очень даже презентабельные дамские панталоны. На что мы, как люди воспитанные, изобразили отсутствующее выражение лица.

А некоторые гости из гражданских либералов и вовсе скинули подштанники. В знак торжества неких воздушных идеалов. И у некоторых из них, как отметили дамы, идеалы были весьма и весьма духоподъемные.

А к котильону несколько дам города, склонных к суфражизму, также освободились от панталон. Не обошлось и без девиц, кои, увлекшись нигилистическими веяниями, помимо панталон, освободились и от юбок.

В общем, к мазурке, танцу подвижному, Общество наглядно созрело для Революции.

Вот так вот, любезнейший Пантелеймон Панкратыч, и обстояли дела.

– Позвольте, Сильвестр Никодимыч, а как же насчет свечи?!

– А-а-а... Вы об этом?.. Да тут все проще простого. Для пущего торжества Свободы один либерал-патриот перерезал

в Собрании электричество.

Так вот, когда революционный дух по естественным причинам угас, желание Свободы сошло на нет и обществу захотелось Покоя, никто в темноте штанов, юбок, подштанников и панталон своих разыскать оказался не в силах. Да и предписания никакого не оказалось. А какая может быть Свобода без предписания. Какой Покой – без штанов, юбок, подштанников и панталон. И тогда швейцар Афанасий, который по косности своей к электричеству доверия не испытывал, принес из своей каморки свечу и за отсутствием в Собрании канделябров вставил свечу в первое попавшееся отверстие...

– Да, история...

– Это еще что, милейший Пантелеймон Панкратыч.

– А что еще, Сильвестр Никодимыч?

– На той неделе у нашего колодца два бабца стали бороться...

Между двух огней (Очень поэтическое)

Проводив Солнце на Запад, печально и одиноко стою на скале в той части страны, где Оно по обычаю восходит, чтобы через 9 часов, прокатившись через всю бывшую Эсэсэ-рию, вздохнуть с облегчением и укатиться за таможеню на границе с Западом. И провести денек в чужой для меня стране.

А здесь, на мысе Крильон, у самой дальней гавани России, абсолютная темнота. Звезды на небе отсутствуют. Видно Им неохота вылезать на небо ни для кого, в смысле, что я здесь – один. А светить одинокому молодому джентльмену нет особого желания, потому что Звезды предназначены для двоих, а законы природы – еще не повод, чтобы зажигаться, если это в принципе никому не нужно. И нигде-нигде в округе нет света. Мало того что ночь, да и во всей округе людям, кроме меня, делать нечего. И огням тоже здесь делать нечего. И что делаю здесь я, тоже никому не известно. Вот и нет света. Ни на небе, ни на земле. Только в море в 4–5 километрах на юг загорелся огонек на лодке Японского Рыбака, отвалившего от Хоккайдо на ловлю трепанга...

А в другой стороне, в 9 часах на Запад, за таможенной, где-то за самой дальней границей России светится Ваше окно. Потому что в нем отражается пришедшее от меня Солнце.

Вам не нужен Японский Рыбак. А Японскому Рыбаку не нужны Вы. И ни Вы, ни Японский Рыбак ничего не знаете обо Мне. Стоящем между двух огней.

Как и я ничего не знаю о вас. Обоих.

И я стою здесь. На мысе Крильон. Один. В абсолютной темноте...

– Скажите, девушка, Вы любите трепанги?

Путник

Путник шел по Лесу. Куда шел, Путник не представлял, да и не заморачивался этим вопросом. Дело в том, что он был Путником, и смысл жизни видел не в цели Пути, а в процессе. В процессе хождения по Пути. Есть же люди, которые едят не для много наесться, а для потому что хочется. Так вот наш Путник шел не для чтобы фигурально наесться, а для потому что хочется. Вот и шел по Лесу, без какой-никакой меркантильной идеи.

И вот Он уже шестой день шел по Лесу. Пели Птички, ревели Медведи, рычали Кто-то, Зайчишка, Зайка серенький по лесу скакал. Внутрь-наружу, внутрь-наружу, наружу-внутрь сновали Дождевые Червяки в тщетной надежде определить, где у них перед, а где – зад. Порою Волк, Сердитый Волк (ух, какой сердитый) тропую пробегал. Пробежит тропую, косо так посмотрит на Путника и дальше пробежит. А потом опять порою тропую пробежит. И еще – порою. Тропую. Пробежит. Путник уже даже задумался, чего это Волк?! Сердитый Волк?! Зачастил?! Порою?! Тропую?! Пробежать?! А раз на двенадцатый – двадцать шестой Волк остановился.

- У тебя закурить есть? – спросил Волк Путника.
- Нету у меня закурить, – ответил Путник Волку.
- Правду говоришь? – спросил Волк Путника.

– Зуб даю, – ответил Путник Волку. И отдал зуб.

– Тогда закури, – сказал Волк Путнику и дал Ему закурить. И зуб назад вернул.

И стал порою пробегать по тропе уже Несердитым.

А Путник пошел себе дальше. По Лесу.

А потом из Лесу вышел. В самый что ни на есть сильный мороз. И перед ним была быстрая река, вся покрытая льдом. Но во льду была дыра, которая называлась Прорубь. И в ней, в Проруби, скучала Щука.

– Куда путь держишь? – спросила Щука для первого знакомства. Потому что жутко соскучилась по человеческому общению

– Да вот, – отвечал Путник, – иду туда, не знаю куда.

– А зачем? – заинтересовалась Щука. – Ради какого интересу?

– А вот иду себе и иду. Потому как интересно. А больше никакого интереса нет.

– А как насчет «по щучьему велению, по моему хотению»? – прямым наводящим намеком намекнула Щука. (Она сказочная была. Если кто не догадался.)

– Не, – ответил Путник, – спасибо на добром слове. Все есть. – Поклонился в пояс (тут я всегда мучаюсь, в чей пояс он поклонился: в свой или в щучий) и пошел себе дальше.

А Щука осталась себе дальше скучать в проруби.

А дальше Путнику попадались Двое из Сумы, поинтересоваться, не надо ли, кого – того-самого. Скатерть-Само-

бранка, которая и так и сяк, и так и сяк, и даже — и сяк и так, но Путник вынул из котомки (я вам забыл сказать, что у него была котомка на палке, как у Ежика Юрика Норштейна) кусок пеклеванного хлеба, съел его и тихо посмотрел на Ска-терть-Самобранку. Та заменжевалась и ушла в глухой пост.

Так же ему попытались оказать услугу Сапоги-Скороходы, но Путник же шел себе и шел без спешить куда-либо и в услугах Сапогов-Скороходов потребности не чувствовал.

А уж Шапка-Невидимка, Меч-Кладенец, Сивка-Бурка-Вещая-Каурка даже и не пытались. Прослышав от Сороки-Вороны о такой пронзительной неpotребности Путника в сказочном облегчении Пути.

Вот так вот Он и шел по Пути.

Впереди его ждали Быстрые Реки, Высокие Горы, Глубокие Доли... И всем Путник давал по Пути названия: Клязьма, Ока, Валдай (там Путник, чтобы было веселее идти, придумал Колокольчик). Назвал еще город Калязин, село Семёничково. Разве всех упомнишь... Вот еще Китеж-град...

И где-то далеко-далеко его ждало Море-Окиян. Путник еще не знал, как назовет его. Он вообще не знал о существовании Моря-Окияна.

Ведь Он просто шел по Пути.

Просто шел.

Одряхлевшая пыль

Одряхлевшая Пыль лежит на окне моей комнаты. Давно лежит. Я уже даже и не верю, что окно может быть чистым. Что сквозь него на улице может быть что-то видно. Кроме Пыли. И Прохожий не сможет увидеть, что происходит в моей комнате. Из-за Пыли. И у него может сложиться впечатление, что в моей комнате, кроме Пыли, ничего не происходит. И это впечатление довольно верное. В ней ничего не происходит...

На столе стоит тарелка с грибным супом. Он почти высох, но что-то еще в тарелке можно наскрести. Правда, это что-то дурно пахнет, но у меня пропало обоняние, и мне, вздумай я съесть эти остатки, запах бы не помешал...

Шкафа, в котором висела моя одежда, нет. Как нет в нем и моей одежды. И зачем шкаф, если в нем нет одежды...

Венские стулья (шесть штук) вынесли. Вместе с раздвижным столом. Если придут гости...

Пишмашинка «Соропа» исчезла, потому что моя жена Фира, секретарь помощника присяжного поверенного Соломона Григорьевича Липкина, исчезла на час раньше. Я долго слышал ее крики со двора, а потом крики исчезли, а значит, исчезла и моя жена. И пишмашинка «Соропа» отправилась на поиски другой секретарши...

Интересно, найдут ли другую мать двое моих детей, Со-

нечка и Шмулик, исчезнувших вместе с плачем. Но их плач я почему-то слышу до сих пор...

И еще я слышу песенку одесского куплетиста Лейбы Марковича Зингерталея, которая истекала из граммофона фирмы «Граммофон». Пластинку заело на словах «Что сказать насчет спир...». Я никогда не узнаю, чем она закончится. Потому что на этих словах завод граммофона кончился. Как и граммофон. А завести его некому. Потому что и меня в комнате нет. Или есть?.. Я не знаю, где я точно есть. Как не знаю, где меня точно нет. Как не знаю, где моя жена Фира, двое моих детей...

Да, я забыл вам сказать, что я не знаю, и где мои папа с мамой Мария Яковлевна и Яков Аронич. Я даже не помню, они сами ушли до того или и их... Не помню. Не знаю. Не хочу знать. Ничего не хочу знать. Ничего.

Извините.

«Будет ласковый дождь».

Над вымыслом слезами обольюсь

Синими похмельными утрами,
Когда никого вокруг нет,
Когда четырехкомнатная квартира
Становится бесконечной,
Когда ты ищешь себя в ней
И не можешь найти,
Когда умирает ошалевший телефон,
Когда гонит тоска по несбывшемуся,
Я отправляюсь на остров Сен-Мишель,
Остров, на котором я никогда не был.
Где находится этот замечательный остров?
Закройте глаза
И ткните пальцем в карту
Своего сына.
Только пусть это будет контурная карта,
Где нет названий,
А есть только смутные линии,
У которых нет названий,
И пятна,
У которых тоже нет названий,
Нет настоящего прошлого, будущего.
Вот там и находится остров Сен-Мишель.
По трясущимся сходим
Я спускаюсь с брига «Кровавая Мэри»
На берег, усыпанный шелухой кокосовых орехов,

Окурками гаванских сигар
И папирос «Беломор»,
Среди которых спит
Вечно пьяный мулат Афанасий.
Я вхожу в таверну,
Которая никогда не закрывается.
(Голубая мечта московского алкаша.)
— Вас давно не было, —
Говорит мне
Никогда не засыпающий трактирщик.
— Дела, — говорю, — дела,
Сами понимаете, дела.
Как-будто, если я их не сделаю,
Рухнет мир.
— Понимаю, — сочувствующе говорит трактирщик, —
Как обычно?
— Да, только двойную дозу.
Джин-джюс проваливается.
Короткий спазм
И замечательное просветление.
Теперь я готов к путешествию
По острову Сен-Мишель,
На котором я никогда не был.
По улочке с названием «Утренний бриз»
Я иду к покосившемуся домику,
Где меня встретит Марианна,
Которая никогда не меняется,
Сколько бы лет ни прошло
Со дня нашей последней встречи.

– Тебя давно не было.
– Давно.
– Будешь завтракать?
– Буду,
Только не надо творог,
Он мне осточертел там.
– Я знаю, мог бы и не напоминать.
И вот я сижу за столом.
Хрустящая салфетка,
Серебряный прибор
И тарелка севрского фарфора
С ошеломительной величины бифштексом.
Марианна садится на соломенный стул
И смотрит, как я ем.
Каждому мужику нужно,
Чтобы кто-то смотрел,
Как он ест.
Каждому мужику нужен
Бифштекс на тарелке севрского фарфора,
И серебряный прибор.
Я откидываюсь на спинку стула,
Вынимаю сигару,
Откусываю кончик
И сплевываю на пол.
– Я же тебя просила
Не плевать на пол.
– Извини, забыл,
Я давно не был на острове Сен-Мишель.
А дальше мы сидим

И смотрим друг на друга.
Она будет долго и терпеливо ждать,
Когда я протяну руку
И проведу
По измученным ожиданием волосам.
– Ну, вот, Марианна, я пришел,
Какие планы?
– Как скажешь,
Одно твое слово —
И я прикрою этот кабак.
Но только уж очень долго
Тебя не было.
– Ладно, – говорю,
Этот вопрос решен,
Я – тут.
Сделай так, чтобы
Мои седые волосы
Стали черными.
Сделай так,
Чтобы их стало больше.
Сделай так, чтобы
У меня не тряслись руки,
Сделай так, чтобы мое вчера
Стало сейчас.
Ведь для этого я приехал
На остров Сен-Мишель.
Но Марианна не ответит,
Никогда не ответит
С острова Сен-Мишель.

Потому что

У моих сыновей давным-давно

Нет контурных карт...

Ты хорошо слышишь?

– Ты хорошо слышишь? – спросил он меня.

– Хорошо, – ответил я, – а почему ты спрашиваешь?

– Да просто так, – сказал он и ушел.

«Странно, – подумал я, – с чего бы ему спрашивать, хорошо ли я слышу...»

Правда, он сказал, что просто так...

Но разве просто так что-нибудь бывает...

Наверное, он что-то заметил...

А что он мог заметить?..

Ведь я же всегда прекрасно слышал...

Даже лучше, чем прекрасно...

Я слышал малейшее дуновение ветра...

Я слышал, как в километре от меня пролетает муха...

Я слышал, как растет трава...

Я слышал, как смеются рыбы...

Я слышал чужие мысли...

– Мне не совсем понятна ваша мысль... Не пойму, что вы от меня хотите... Подойдите лучше в другой раз... Другого раза не будет?.. Извините, ничего не могу поделать...

Все-таки почему он спросил? Мы с ним проговорили целый час, и я не пропустил ни одного слова.

– Извините, пожалуйста, я задумался и не слышал... Да, собственно говоря, мне и некогда...

И глаза у него были какие-то странные...

Как будто он что-то знает и не хочет говорить...

А что он может знать?..

Все-таки он что-то знает...

Иначе в его глазах не было бы...

Может быть, он вспомнил тот случай...

Но ведь я же просто сделал вид, что не слышу...

На самом деле я все великолепно слышал...

Просто мне не хотелось...

Я же не враг себе...

– Что, что я обещал?.. У вас такая дикция, что я не понимаю, что я обещал... Хорошая дикция?.. Тогда голос глуховат... Некоторые слова выпадают... Ничего, не волнуйтесь, это бывает...

А с чего ему волноваться?..

Подумаешь, голос глуховат...

Его же никто не спрашивал, хорошо ли он слышит...

Тут, действительно, задумаешься...

Что я так нервничаю...

Ну и что, что спросил, хорошо ли я слышу...

Сердце покалывает...

В ушах звенит..

Ах, это трамвай звонит...

И водитель что-то кричит...

Тихо так кричит...

Так тихо, что я почти ничего не слышу...

И вообще в мире стало как-то невообразимо тихо... Безмолвно, как в сне без сновидений... Как в космосе...

Конечно, он был прав, усомнившись в моем хорошем слухе...

Так что я просто не слышал, что я обещал.

Как я могу слышать, если я не то что недостаточно хорошо слышу, я просто ничего не слышу...

Я не слышу, как взлетают самолеты...

Я не слышу, как гудят поезда...

Я не слышу, как кричат птицы...

Я не слышу, как плачут дети...

Я не слышу...

Я не слышу...

Я не слышу...

Я не слышу НИЧЕГО.

...Вчера он снова подошел ко мне. Его губы шевелились в немом для меня вопросе. Я сказал ему, что ничего не слышу. Он взял лист бумаги, написал на нем несколько слов и передал листок мне. Я развернул его и прочел:

ТЫ ХОРОШО ВИДИШЬ?

Я люблю смотреть на часы

Я люблю смотреть на часы. Секундная стрелка меня не интересует, чересчур быстро она крутится. Минутная значительно интереснее. Ее ход как бы и не заметен, но все-таки ощущается. Я начинаю за ней наблюдать в 8 утра за утренним кофе. Я пью кофе лежа на диване. У меня хороший двухспальный диван. Некоторые за утренним кофе читают газеты, а я смотрю на часы. Я не тороплюсь, я кончаю пить кофе, когда минутная стрелка пересекает цифру 6. В кружке у меня помещается 400 граммов кофе, так что в 1 минуту я выпиваю 13,3 (3) грамма. Возможно, это и медленно, но ведь и минутная стрелка тоже движется достаточно медленно.

Потом я иду на кухню, мою кружку, кофейник и убираю хлеб. Хлеб я держу в кастрюле. Так он дольше не сохнет. В это время я смотрю на настенные часы, которые висят у меня над раковиной. Так как они больше моего комнатного будильника, минутная стрелка на них движется быстрее, и поэтому на мытье кружки и кофейника у меня уходит всего 6 минут. Когда минутная стрелка отсчитает еще 24 деления, а часовая – число 9, я приступаю к работе.

Я работаю дома, я клею конверты. В минуту я клею 3 конверта. Меня эта работа устраивает. Руки движутся автоматически, и мне не надо смотреть на конверты. Я смотрю на часы.

Когда часовая стрелка сдвинется на 1 большое деление, а минутная сделает один круг, у меня готово 180 конвертов.

Через 4 часа, или 240 минут, или 720 конвертов, я обедаю.

Еще через 720 конвертов, или 240 минут, или 4 часа, я кончаю работать.

После этого я лежу на диване. У меня хороший двуспальный диван. И смотрю на часы до тех пор, пока часовая стрелка вплотную не приблизится к числу 11. В это время я завожу часы и ложусь спать.

Главное, никогда не забывать заводить часы.

Когда я просыпаюсь, на часах стоит уже другое число. Я снова начинаю клеить конверты и смотреть на часы.

Раз в 3 дня, или 72 часа, или 4320 минут, я должен отнести готовые 12 960 конвертов. Это время я не люблю. Часы на улицах не всегда точны, это меня сбивает. И я начинаю нервничать.

Раз в 7 суток, или в 168 часов, или в 10 080 минут, ко мне приходит Женщина. Она старше меня и некрасива, но это неважно. Она приносит с собой бутылку портвейна и пачку лимонных вафель. Она выпивает портвейн, я съедаю лимонные вафли. Я люблю лимонные вафли. Через 2 часа, или 120 минут, она уходит. Иногда мы с ней разговариваем.

Я никогда не пропускаю момент, когда на часах меняется месяц. В этот день я ложусь на 1 час, или 60 минут, позже. Это большое удовольствие смотреть на часы на 1 час, или 60 минут, дольше.

В день смены года я выпиваю бутылку пива. Эту традицию я завел в 32 года. Когда... Впрочем, это не важно. И с тех пор выпил 34 бутылки пива.

Я думаю, у меня впереди еще достаточно лет, часов, минут, чтобы клеить конверты и смотреть на часы.

Главное, не забывать вовремя заводить часы...

Господи, а когда я заво...

Кепка набок и зуб золотой

«Газон» выехал из ворот Гастронома на углу Петровского и Трубы и двинул по правой стороне Неглинного бульвара в сторону Госбанка. Из двора Булочной, что на углу Неглинки и Рахмановского, внезапно (как же!) выскочила телега с мертво пьяным (как же!) Одноглазым. «Газон» врезался в телегу прямо напротив арки двора, соединяющего Неглинку, Петровку, Крапивенский переулок и Петровский бульвар. Шофер «Газона» был убит первой же пулей «протрезевшего» Одноглазого. Его напарник был прошит очередью из ППШ Кривым.

Инкассатор в кузове поднял руки, но это ему мало помогло. Я выступил из арки, сдвинул кепку набок, улыбнулся золотым зубом, одним махом перемахнул через борт, чиркнул пистолетом по его яремной жиле и исчез в темноте двора. Через 5 минут я вышел из арки двадцать шестого дома на Петровку с двумя мешками «капусты» и передал их Косому. Вечером в Сокольниках мы встретимся с Одноглазым, Кривым и Косым, чтобы поделить лавондос. И никто из нас не видел, как в телефоне-автомате около Оптики девица с беломориной в зубах сняла трубку.

Вечером в Сокольниках в «Ландыше», в комнатке за кухней, мы разделили все по-честному. Косой было попытался возбунтовать против Одноглазого, но я сдвинул кепку на-

бок, улыбнулся золотым зубом и чиркнул писклой по яремной жиле...

А когда Одноглазый поднял из-за Зинки хипиш на Кривого, я во второй раз улыбнулся золотым зубом, а если считать инкассатора, то – в третий, и чиркнул писклой по яремной жиле... Негоже тянуть на кореша из-за биксы, которая жила со всей Ордынкой.

Я всегда сдвигаю кепку набок и улыбаюсь золотым зубом, прежде чем чиркнуть писклой по яремной жиле. Все деловые знают этот мой рабочий почерк.

Поэтому когда я в четвертый раз сдвинул кепку набок и улыбнулся золотым зубом, то Кривой без понуждения поставил яремную жилу.

Заведущий «Ландышем» Валико за две косых спустил жмуров в подвал, а я перешел в общий зал. Народа было немного. Два фраера за столиком в углу терли за что-то свое, да какая-то симпатишная за столиком в центре зала смолила беломорину.

– Лелька...

– Мишка...

Ночь прошла так спокойно и тихо... Недалеко от «Ландыша», под березой, под шепот листьев да отдаленные гудки тачек на Стромынке... А когда у «Красного богатыря» прозвенел первый трамвай, Лелька ушла домой.

А через минуту меня повязали мусора. Сам Кондратьев, начальник Угро, брал... В Сокольниках, недалеко от «Лан-

дыша», под березой... Отгулял мальчишечка... Сто восьмая... Двести девятая... Для тех, кто сечет...

Лелька зашла ко мне в семнадцатую камеру и потянула из кобуры наган...

Я сдвинул кепку набок и улыбнулся ей золотым зубом.

Все деловые знают...

В городском саду

Много лет тому назад я играл в шахматы с одним человеком. Это было в Прибалтике, во дворе гостиницы «Майори». Мимо нас прошла махонькая девочка с мамой. Человек посмотрел на нее и сказал: «Вот тут твое будущее». Я засмеялся: «Матвей Исаакович, мама для меня – слишком стара, а девочка – слишком юна». Человек посмотрел им вслед. Твое будущее родится из этой девочки. Его будут звать Катей. Фамилия Матвея Исааковича была Блантер. Партию я проиграл. А вот Катю...

В том саду, где мы с Вами встретились (между Парнавас, Ата и Я. Асара), ветки деревьев, посеченные осколками снарядов, не успели зарости свежей корой... На дорожках валялись стаканчики из-под фруктового мороженого, окурки «Севера» и одинокой упавшей звездой поблескивал осколок бутылки. Вот-вот на танцплощадке заиграет оркестр инвалидов, и через секунду Ваши маленькие груди со сладким ужасом прижмутся к моей груди...

И вот в городском саду играет духовой оркестр.

– Как тебя зовут, девочка?

– Катя...

Ваши пальцы пахнут... Я даже не могу сказать чем... И запах сосновой смолы, и моря, о котором я Вам уже говорил, и запах парного молока, который почти неуловимо, но

явственно отличает девушку от женщины. Эта дрожащая грань, которую так страшно и так не терпится перешагнуть. Мне даже не хочется целовать эти пальцы... Мне плакать хочется...

И вот в городском саду играет духовой оркестр.

– Как тебя зовут, девочка?

– Катя...

Где-то там, в узких улочках Риги, мы идем с Вами...

В наших лирических отношениях...

Грозящих неконтролируемой ядерной реакцией...

Когда ядерный чемоданчик еще не открыт...

А нейтроны уже набрали скорость...

И вот-вот...

Хотя как это...

Когда Вы – там...

А я...

Где я...

Чуть-чуть поуспокоиться...

Это я – о себе.

И вот, в городском саду играет духовой оркестр...

– Как тебя зовут, девочка?

– Катя...

Вот тут мне легко дышится. Не знаю почему. «Ерш» из морского воздуха и уже остывших дюн загоняет хрип обратно в прорванные временем легкие. (Тянет на неплохой ли-

тературный штамп.) Сколько мне лет? Не помню. На тыльной стороне слегка вибрирующих рук – пигментные пятна. Значит, много. На мне желтый пиджак букле, узкие голубые брюки, туфли баттен-даун, красная рубашка со снап-тапчиком и галстук, горящий даже в ночи. Молодой? Но в карманах нет ни пачки сигарет, ни спичек. Вспоминаю, что уже много лет не курю. Значит, старый. Тогда почему к моему плечу прижалась девочка в блузке с оборками и юбке колоколом. Почему и куда мы идем сквозь дюны? Кто – она, что – она?

Мне нельзя, нельзя, нельзя так волноваться.

И вот, в городском саду играет духовой оркестр...

– Как тебя зовут, девочка?

– Катя...

Я лежу в операционной. Там чисто и слегка прохладно. Я помню эту операционную. Не первый раз. Милая девочка вводит в маленькую артерию около запястья иглу. Я уже знаю, что ее зовут Катей...

Или мне так кажется.

Или – хочется?..

Много-много лет тому назад Матвей Исаакович Блантер был прав...

И вот в городском саду играет духовой оркестр.

«Расцветали яблони и груши, поплыли...»

Давным-давно

Давным-давно, когда нас с Вами, моя удушающая любовь, не было, я был взводным в первом эскадроне, а Вы, моя немыслимая нежность, – милосердной сестричкой во втором. И за всю долгую войну, да и потом, мое великое счастье, так ни разу не встретились, не познакомились, не узнали друг друга. А как узнать, если нас еще не было...

В одну реку

«Нельзя дважды войти в одну реку». Как сказал один древний Гераклит. Не знаю. Сколько раз я ни входил в Москва-реку, и каждый раз это была все та же Москва-река. Сама невинность – в истоке и польвованная-перепольвованная у впадения в Оку. Меня даже три раза бросали в нее с ресторана-поплавок около «Ударника», и все равно я выныривал все в той же родной московской речной глади. Весь в обедках шашлыков по-карски, лобио и соусе сациви, но в Москве-реке. А не в Куре какой-нибудь, судя по меню воды. Но – Москва-река, пацаны, она – Москва-река и есть. И, может быть, с другими реками все обстоит совсем по-другому.

И один упертый охламон с Петровского бульвара по местному имени Билл Голубые Яйца, тайна которого (имени) покрыта мраком, потому что ни в ближней родне и ни в дальней, о которой ничего не было известно, не было ни одного индивида с яйцами такой расцветки, однажды решил, что Москва-река – это нерепрезентативно. Москва – это еще, блядь, не вся Россия, и, возможно, в другие реки дважды войти невозможно. Потому как Гераклит.

С этой целью Билл Голубые Яйца поступил на геофак Института цветных металлов и золота, чтобы за государственный счет подтвердить Закон природы о невозможности вхождении дважды в одну и ту же реку вне пределов Моск-

вы. Во всей России.

И по окончании института был отправлен на пару лет в город Саратов, где тут же вошел в Волгу, вышел и снова вошел. И у него это получилось! Билл Голубые Яйца был потрясен. Потом он решил, что ошибся в подсчетах и вошел в Волгу не дважды, а одиножды. И вошел снова. И у него опять получилось! Мир для Билла Голубые Яйца рухнул. В тоске он закурил, а окурок вдавил в пляж. И ему, наверное, местные экологи закатали в лоб. Пошерстили по карманам, нашли паспорт с московской пропиской и повторно закатали в лоб. Со словами: «Все москвичи засрали!» А после третьего закатывания на Билла Голубые Яйца снизошло озарение. Москва-река – приток Оки, которая, в свою очередь, приток Волги. И принесла в Волгу московское извращение Закона природы о невхождении!

Так что, пацаны, Билл Голубые Яйца перераспределился за Урал, в поселок Кия, что на берегу реки Кия, притоке Енисея. На которую уж точно тлетворное влияние Москвы-реки никак не распространяется. И по прибытии в поселок Кия он отправился на берег речки Кии, вошел в нее, вышел... Ну, вы сами знаете... И он решил повеситься. А потом у него это решение каким-то образом опроверглось, и он по-простому, по-русски напился на берегу речки Кии. И на него вторично снизошло озарение. Россия! Понятие метафизическое, мистическое, со своим особым путем! И у рек путь – тоже особый! И в русские реки запросто можно войти

два раза! И в России, пацаны, законы природы, нихуя не работают! Так что, свободное многоразовое шастание туда-сюда в одну и ту же реку в России в других странах, скорее всего, даже и не канают.

Короче говоря, с Рейном он опять фраернулся. После двенадцатой бутылки «Хайнекена» в прирейнском пивняке он научился понимать немецкий язык и на свое печалование местному бюргеру о двойном вхождении в Рейн услышал: «Что делать, старичок. Рука Москвы, доннер, бя, веттер».

Через три месяца Билл Голубые Яйца из хилой лодчонки вылез на берег Тиатумоку, верхнего притока реки Амазонки.

Невдалеке стояли местные люди, никогда не видевшие белого человека. Они посмотрели, как белый человек вошел в реку, вышел из нее, а потом снова вошел...

И Билл Голубые Яйца понял, что жизнь для него кончена. Раз на всей огромной Земле перестал действовать Закон природы о двойном невхождении в одну и ту же реку, то скоро перестанут действовать и другие. И Земле придет конец.

Билл Голубые Яйца пал у ног вождя племени, прошептав: – В одну реку нельзя войти дважды...

Вождь (находящийся на дауншифтинге бывший филолог Серега Змей, Приплывший С Востока) спросил:

– Кто сказал?

– Гераклит.

– Так это он сказал, когда Земля была плоская. Давай выпьем.

И они выпили. И заглянули за край плоской Земли.

И один из слонов, на которых стояла Земля, сказал им:

– Здрасьте.

На углу Каланчевки и Орликова

Как-то под утро мы вышли из «Эрмитажа». Что на углу Трубной и Петровского бульвара. Раскланялись с князем Ухтомским и его прелестницей Надин и сели на лихача, дабы я смог проводить Вас. И в целости и сохранности сдать Вашему папеньке Ардальону Игнатьевичу на Воздвиженку. Я знал, что он будет гневаться на нас за позднее возвращение, и надеялся смягчить его гнев сообщением о нашей скорой помолвке. Я дышал запахом Ваших волос, ощущал покорность чуть влажной Вашей руки в моей... Мимо нас медленно проехали дроги, с запряженной парой гнедых. Что-то в них было смутно знакомое. А!.. Только что услышанный в «Эрмитаже» трогательный романс на стихи г-на Беранже... Кольнуло в сердце...

...В пору моей гимназической юности, когда я роскошно цвел огненными прыщами-хотенчиками, батюшка мой Филипп Тимофеевич отвели меня в заведение мадам Мармеладовой на углу Каланчевки и Орликова, дабы я мог приобщиться к тайнам интимной жизни, чтобы восстановить былую гладкость щек и лба. А также приобрести некие житейские навыки, которые в будущей взрослой жизни избавят меня от конфуза. Ведь рано или поздно мужчины вступают в брак и к этому моменту своей жизни должны, помимо гимназического, а лучше – университетского, знания, доставить

радость юной супруге своей знаниями другого рода...

Ее звали Жаклин (Фросей). Она недавно была в профессии, но уже в совершенстве владела всем Женским. Сейчас, будучи в возрасте, я уже понимаю, что оно было заложено в ней из самого начала ее бытия, это была ее сущность, ее единственное достояние и ее не надо было ничему учить. Она была рождена учительницей. Для таких недорослей, как я.

Много раз я приходил к ней. И каждый раз она встречала меня дрожаще-покорной и отдавалась, как в первый раз в жизни. Так что я чувствовал себя учителем. Сначала дрожа НЕПРИТВОРНЫМ страхом юной девы, а в конце была уже взрослой женщиной, вкусившей все прелести единения двух тел, а иногда и душ...

Я был влюблен в нее и пару раз даже помышлял о женитьбе на ней, чтобы извлечь ее из этого гнезда порока (а кто из нас не мечтал в юности об сем, что так блистательно описал г-н Куприн) и жить где-нибудь в деревне и растить детей. И жить, жить, жить...

Но батюшка мой Филипп Тимофеевич понятливо посмеялся, так что желание жениться на Жаклин (Фросе) невидимым дымком ушло из моей головы, и мы с ней просто мило проводили время.

Прошли годы... Я закончил гимназию, университет, поступил в службу по Департаменту... впрочем, не важно, и забыл о Жаклин (Фросе)

И вот эти дроги... Запряженные парой гнедых... Я остановил кучера. Нет, господа, это была не она. Не моя Жаклин (Фрося). Это был скончавшийся в белой горячке мещанин по сапожной части Фроим Грач...

На лихаче я доставил Вас к папеньке Вашему Ардальону Игнатьевичу на Воздвиженку. С тем чтобы встретиться уже на помолвке.

...Жаклин (Фрося) сильно сдала, но меня узнала...

Сначала она дрожала НЕПРИТВОРНЫМ страхом юной девы, а в конце была уже взрослой женщиной, вкусившей все прелести единения двух тел, а иногда и душ...

Какие все-таки мужчины – козлы!

Я искал вас...

Из ночи в ночь Я выхожу на улицы моего Города. Колесницы, кареты, авто везут меня по ресторациям, кабаре, портовым кабакам.

Где-то приветливо машут рукой, где-то подносят бокал «Клико», где-то призывно обнажается бедро, а где-то и 12-дюймовый клинок. Но наглеца быстро успокаивают, и вскорости его тело принимает река, а затем и море, чтобы наглец навсегда растворился в его водах.

Я всюду искал Вас.

Я искал Вас в заведении постаревшего Одиссея в Итаке. И не нашел.

Я искал Вас в аветинских лупанариях Рима. И не нашел.

Я искал Вас в портовых тавернах Марселя. И не нашел.

Я искал Вас в творчески-похотливой «Ротонде» ночного Парижа. И не нашел.

Я искал Вас в потных трактирах Охотного Ряда старушки Москвы. И не нашел.

Я искал Вас в хард-боповых клубах Нью-Йорка. И не нашел.

Я искал Вас в каждом притоне, каждого Города этого Мира. И не нашел.

Я буду искать вечно.

Кому-то ж надо...

Я – Талисман, Хранитель, Оберег моего Города. Как бы Он ни назывался.

Город, как бы Он ни назывался, знает, что пока Я брожу по Его притонам, все будет неизменно.

Потому что пока в этом Мире Мужчина ищет свою Женщину, все будет.

Притоны, Город, Мир...

Бессонница

Когда дни становятся длиннее, а жизнь – короче, бессонница поднимает меня с постели и гонит на полумертвую улицу. Рассвет еще размышляет, начинаться или нет, Солнце морщится от собственных лучей, одинокий дворник не местной национальности сметает в кучу два неопознанных окурка...

Я брежу по промзоне своей неродной Черкизовщины, где первая часть слова «промзона» отдает архаикой, а вторая не имеет ничего общего с общерусским значением этого слова. Справа – линия Окружной железной дороги, по которой ползет тепловоз неопознанного назначения. Он гудит. Я на всякий случай гужу в ответ.

Тепловоз останавливается. Из окна высовывается беспричинно улыбающееся лицо Машиниста.

– Сколько время, мужик? – интересуется он.

– А кто его знает, – доброжелательно отвечаю я.

– А-а, – прикидывает он в уме, – я думал – больше. А магазин, когда открывается?

– В восемь.

– А-а, – прикидывает он в уме, – я думал – раньше.

– А чего тебе – магазин с утра пораньше? – спрашиваю для поддержания разговора.

– А сам-то, что, не знаешь? – как-то обиженно спрашивает

Машинист.

– Сам-то, что, знаю, – ничуть не обидевшись в ответ, отвечаю я, – только вот впервые вижу, чтобы за сам-то знаешь что – на тепловозе.

– А кроме него, никакого транспорта не было. Был один КамАЗ, но у меня шоферских прав нету.

Я понимающе кивнул головой.

Я поднялся по откосу к путям и вскочил на подножку тепловоза.

– Сворачивай налево, – сказал я Машинисту, – сейчас все сообразим.

– Понял, – кивнул он, – победно гуднул гудком и съехал с откоса...

– Сейчас куда?

– Дуй напрямик, – показал я на напрямик.

– Понял, – кивнул он, пересек Окружной проезд и уткнулся в бетонный забор вокруг чего-то сносимого.

– А щас куда? – взглядом спросил он.

Взглядом я ему и ответил.

– Понял, – кивнул он.

Мы напрямик миновали бетонный забор, снесли чего-то сносимое, пересекли Лечебную через 9-й корпус 36-й больницы, им все равно скоро утреннюю температуру мерять, и выехали на Мироновскую. Там в «охранницкой» ресторанчика «Восточный дворик» отоварились по стакану паленой чачи и захорошели.

– А теперь, мужик, – сказал захорошевший Машинист, – мне бы цветов прикупить. Тут у вас есть, где сейчас цветов прикупить?..

Я посмотрел на него...

– Понял, – и, повинуясь указаниям моей руки, чесанул через нулевой цикл 5-го корпуса дома 14 по Борисовской, вернулся к Ткацкой и проломил дверь новенького цветочного ларька...

– Она розы не любит, – сказал Машинист.

– Понял, – ответил я и вытащил из развалин цветочного ларька оставшуюся в живых хризантему.

– Ну, что, – спросил я, – теперь на 5-ю Соколиной Горки к роддому?

– А ты как догадался? – удивился Машинист.

Я посмотрел на него долгим взглядом сильно пожившего человека.

– Понял, – извинительно пробормотал Машинист. Но по его счастливым глазам было видно, что он ничего не понял. Но это ему было абсолютно все равно.

Откуда ему было знать, что позавчерашним предрасветным часом, гонимый бессонницей, я поил паленой чачей, обеспечивал хризантемой и сопровождал к роддому на 5-й Соколиной Горки вертолет КА-50 «Черная акула».

Когда мы подъехали к роддому, то на месте «Универсама» стояла ракета Союз-М 126. Привалившись к ней спиной, сидел незнакомый мне Пожилой Джентльмен в парусиновом

плаще...

– Бессонница? – спросил Пожилой Джентльмен.

– Бессонница, – кивнул я.

– Хорошо? – спросил Пожилой Джентльмен.

– Хорошо, – ответил я.

И мы хрипло закурили.

Ну, да вы знаете...

Когда я был мальчишкой (лет 15–25),

Носил я брюки-клеш (Совершенно потрясающие брюки от Израиля Соломоновича Каца, вся Молдаванка с них завидовала. После меня тротуары уже не надо было подметать.),

Соломенную шляпу (У нас в Одессе соломенные шляпы называются исключительно «канотье». Это по-французски. Ну, да вы знаете.),

А какой у меня в кармане был финский нож!!! (Шведы плакали! Золингеновской стали, грек дядя Загидес его из сабли Буденного скроил.)

Я мать свою Фиру Яковлевну зарезал. (Надо же было по-пробовать нож! Да я от ее груди уже года три как отпал.)

Отца своо Менделя Шмутьевича прибил. Уж очень он без мамы шумно страдал. (Ребята даже решили, что опять погром начался и под шумок почистили меховой салон Тартаковского. У нас как погром, так сразу чистят меховой салон Тартаковского. Что вы хотите – такая традиция.) Так папа так страдал, так страдал, что Тартаковский практически разорился. Вот я его и пожалел. Ну, и папу. Ну, да вы знаете.

Сестренку-гимназистку Мурку (Ай, какая красивая девочка была. До того, как стала гимназисткой! После чего перестала быть девочкой.)

В фонтане утопил. (Да и не родная она мне сестренка бы-

ла, да и не в фонтане, да и не утопил. А в темном переулке встретили мы ее... Ну, да вы знаете...)

Отец лежит в больнице (Между прочим, больших грошей стоит. Нет, конечно, не таких, как за бесплатно! Держите меня... Но больше, чем за пристрелить. Ну, вот его... Не знаете?.. Ваше счастье. У нас, знаете ли, лишних пуль нет.),

Мать спит в сырой земле. (Ну, не очень, думаю, спит. Так, ворочается с боку на бок, когда ее на Привозе тамошняя шпана на каждом шагу неприлично вспоминает. Ну, никакого уважения к матерям!)

Сестренка-гимназистка (Ну, да об том, что не сестренка, вы знаете)

Купается в... (Живет в памяти народной.)

Таким образом, я остался сиротой. Без мамы Фиры Яковлевны, без папы Менделя Шмульевича, без сестренки моей гимназистки Мурки. Ну, да вы знаете.

И дом мой на Дерибасовской, что в городе Одесе, стал пустым. И одиноко стало мне...

И вот я уже стал свой финский нож и так и сяк... Ну, вы меня понимаете... Чтобы поэлегантней... Как рояль... И камень у Кноповича заказал. Вверху – звезда Давида. А под ней – стих того же Кноповича:

Одеся, Одеся, родная сторона.

Сгубила ты мальчишку, сгубила навсегда.

На идиш.

И тут от почти обнищавшего мехового Тартаковского поступило интересное предложение...

А через месяц в моем доме на Дерибасовской открылась пивная...

Есть девочки: Маруся, Роза, Рая... (По два рубля – штука.)

И с ними спутник жизни – Васька Шмаровоз...

Потому что такие шалавы и без конвоя...

Ну, да вы знаете...

Очень сентиментальное...

Катрина была едва-едва знакома с юным поручиком Мишелем Мещерским. Сначала они слегка раскланивались при прогулках на Вокзале, а потом, уже знакомыми, повстречались в любительском дивертисменте в павильоне Мамонтова на Акуловой даче. Тогда их любительский концерт, в коем Катрина под гитару местного телеграфиста Сергея Александровича Мартинсона исполняла романс г-на Юрьева «Ах, эти черные глаза», почтили своим участием Федор Иванович и удостоили Катрину своим недвусмысленным вниманием. Милая девочка отвергла его поползновения, чем страшно удивила русского гения и одновременно растрогала. Но пожилой ловелас все понял, когда увидел покрасневшийся взор Катрин, брошенный на юного поручика, который в дивертисменте прямого участия не принимал, разве что обволакивал Катрину волнами тихого восторженного обожания...

У Катрины уже было назначено свидание с ним, но...

Мутная пора в Москве. Все как будто живут последний день. С озабоченными лицами мчат по городу сорок тысяч одних курьеров. За окнами квартиры слышны какие-то заполошные крики. Какая-то суета... В улицах, домах, присутственных заведениях... Но мне как-то не до них. Сегодня я должен просить руки моей обожаемой Катрины у папеньки ее Ганса Христиановича. Я готов. И тут в комнаты входит

посыльный с конвертом. Распечатываю его...

«Мишель, батюшка мой срочно увозит меня из Москвы. Тут сейчас неспокойно. С завтрава дня Ваш Император объявит войну Его Императорскому Величию Кайзеру Вильгельму. И как Вы знаете, мы...» И тут письмо оборвалось.

Утром завтрава дня поручик Мишель Мещерский срочно уехал, и вскорости в глупой штыковой атаке его закололи под Брестом...

Сентябрем восемнадцатого года Катрина по настоянию папеньки Ганса Христиановича вышла замуж за графа Отто Штауфенбурга. С коим вскорости разошлась еще до родов.

Июлем сорок первого года ее сына, лейтенанта вермахта Штауфенбурга, закололи в глупой штыковой атаке русских под Брестом. Его одного.

В нагрудном кармане мундира нашли письмо, начинавшееся словами: «Mein lieber Michael!»

Из романтического

Дрожки мягко катились по хрестоматийно-мягкой дорожной пыли. Сквозь ветви корабельных сосен, мечты Петра Первого, пробивались отдельные отчаянные лучи утопающего в уже загнивающем Западе Солнца. А где-то там, пока еще за горизонтом, уже подтягивал ремень на гимнастерке зарождающийся молодой месяц...

Я ехал в поместье отставного корнета Николая Семеновича Забобруйского, дабы попросить у него руки его дочери Антонины Николаевны, вдовы отставного поручика Семена Михайловича Забубенного, по ошибке затравленного на охоте собственными собаками вместо кабана. Дама она была весьма привлекательной, к тому же со средствами, способными поправить дела в моих пошатнувшихся делах. Любовь?.. Не знаю... По-моему – это выдумки праздного ума столичных поэтов и скучный морок для неискушенных душ провинциальных девиц. А я...

И тут из-за поворота на вороном, практически белоснежном, коне выскочила всадница с персиком, обдала меня легким запахом восьмимартовской мимозы и легкой, ничего не значащей, улыбкой слегка поюневшей Моны Лизы (Джоконды)...

И я развернул дрожки...

И вот уже много лет я мчусь за этим легким запахом ми-

мозы и легкой, ничего не значащей, улыбкой...

На хрена, спрашивается...

Если я терпеть не могу персики...

Воспоминание

Хочу рассказать о своей дружбе с Владимиром Высоцким, с которым не был знаком, и о своем вкладе в его творчество, благодаря которому (я имею в виду вклад) он стал Владимиром Семеновичем.

В конце пятидесятых Вовка написал свои первые несовершенные стихи. Я понял, что должен помочь ему как художник – художнику. Чтобы быть объективным, стихов я не читал, но жестоко раскритиковал их в газете «Литературный листок». «Нет, господин Высоцкий» называлась рецензия. Меня приняли в Союз писателей.

Когда Володя записал свою первую песню на магнитофонную ленту, я в газете «Культура в жизни» сравнил его с Окуджавой. Что по тем временам приравнивалось к грабежу со взломом. Эта моя дружеская поддержка оставила Володю практически без работы и без куска хлеба. Что необходимо каждому художнику. Ибо сытое брюхо к творенью глухо. Поэтому, и только поэтому, я наступил на горло Володиной песне.

После первого цикла песен я в журнале «Музыка на службе» написал, что музыка Высоцкого не имеет ничего общего с музыкой Баха, Генделя и Гайдна. В доказательство я приводил песню:

Попали мы по недоразумению,

Он за растрату сел, я за – Ксению.

У нас любовь была, мы с ней встречались,

Она кричала, блядь, сопротивлялася.

«Попробуйте, – писал я, уложить это “блядь” в верхний регистр Домского органа». И я был прав. Никому это не пришло в голову. Тем более что Домский орган был на капремонте.

За эту статью меня приняли в Союз композиторов.

И дальше я делал все, чтобы выковать из Володи художника.

Как вы думаете, за что меня приняли в Союз кинематографистов?.. Правильно. За разгромные статьи на фильмы с Володиным участием. В этих статьях я ввел в обиход клеймо «эстетическая диверсия». И заметьте, чем разгромнее были рецензии, тем лучше он играл. И чем лучше он играл, тем разгромнее были рецензии.

В середине шестидесятых в нашей с ним жизни произошли большие события. На анализе песни «А на нейтральной полосе цветы необычайной красоты» я внес переворот в военное дело. Я доказал, что в борьбе двух социальных систем нейтральной полосы быть не может. Есть только передовой край, который хочет отодвинуть назад «некий Высоцкий». Меня пригласили на чашку чая и присвоили звание «капитана в штатском». Я его вызвал и по-дружески предупредил. Что и помогло подняться ему на новую творческую высоту.

А теперь о Театре на Таганке. Со дня основания в 1964

году я не устал писать, что это «не наш театр», что «формализма, экзистенциализма и эмпириокритицизма не способны ничего дать советскому зрителю». И результат оказался налицо. Театр на Таганке стал самым популярным, а Володя Высоцкий, которого я в одном из докладов на ЦК назвал «ущербным Гамлетом из Большого Каретного, по которому плачет большой черный пистолет из того же Каретного», стал любимцем театральной Москвы и такого же Парижа.

Я думаю, нет нужды сообщать, что после этого меня приняли в ряды Всероссийского театрального общества от...»

Много, очень много я сделал для Высоцкого. Мои труды увенчались успехом. В июле восьмидесятого Володи не стало. Вся Москва была на его похоронах, оголив олимпийские трибуны. Он стал любимцем страны, других стран мира. Его диски расходятся миллионными тиражами, книги его стихов идут на расхват.

И это я, давя его на каждом шагу, помог ему достичь такого положения.

Причем он – не первый.

Это я в свое время написал донос на Достоевского, и мы получили «Преступление и наказание». Это я выгнал из страны Бердяева, Розанова, Ильина. Это я в тридцатых попридушил Булгакова и Платонова. Это я в сорок шестом назвал Зощенко пошляком, а Ахматову – блудницей. Это я разогнал в шестидесятых «Новый мир». И всех их благодаря

мне любят и почитают.

И еще... Благодаря мне Солженицын и Бродский стали нобелевскими лауреатами.

Я сделал все, чтобы самым талантливым было как можно хуже, чтобы они стали еще талантливее. И не страшно, что многие ушли раньше положенного срока. Вона, Пушкина я пристрелил в 37 лет, и он стал «нашим всем».

А я вынужден жить. Потому что русская земля никогда не оскудевала талантами. И всем я должен помочь.

Одна беда. Охеренно выросла конкуренция.

Эссе о страхе

Жутко страшно просыпаться с похмелья. Страшно смотреть на шаловливые ручонки и страшно трудно отодрать потную голову от подушки. Страшно хочется принять стакан и страшно, что он не приживется в истомленном организме. Страшно, что на стакан может не хватить денег, и страшно, что стакана может не хватить. И вообще с похмелья страшно абсолютно все.

С похмелья страшно, что, если я выйду на улицу, меня могут ограбить. И страшно, что меня могут ограбить, если я на нее не выйду.

С похмелья страшно, что страшно, что шаурма около метро «Семеновская» может быть сделана из кошек. И страшно, что моя кошка может быть сделана из шаурмы

С похмелья страшно, что бесплатные лекарства в поликлинике подорожают. А когда подорожают, исчезнут совсем.

С похмелья страшно, что инфляция вырастет на 5–7 %. И страшно, что при этом цены вырастут на 20.

С похмелья страшно, что мой дом снесут из-за аварийности – и меня переселят хрен знает куда. И страшно, что он рухнет сам и переселять будет некого.

С похмелья страшно, что русские националисты на московских окраинах примут меня за кавказца. И страшно, что кавказцы на Красной площади примут меня за русского.

С похмелья страшно, что меня прихлопнут антисемиты за то, что я – еврей. И страшно, что меня прихлопнут сионисты за то, что я – не сионист.

С похмелья страшно, что на каком-нибудь митинге меня отчукает ОМОН. И страшно будет узнать, что это я отчукал его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.